

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.013
УДК 94(571.6)“19/...” + 32.019.5 +
+ 338.439.68

Л. А. Дударь
А. А. Исаев

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

РЕАКЦИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ НА ПЕРЕХОД К ОТКРЫТЫМ ФОРМАМ ТОРГОВЛИ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

В статье на основе архивных документов рассматриваются настроения жителей Дальнего Востока СССР, их реакция на переход от карточного распределения к свободной торговле с 1 января 1935 г. Актуальность исследований социально-психологических аспектов значимых событий и явлений середины 1930-х гг., к числу которых относятся общественные настроения, заключается в том, что они способствуют воссозданию психологического портрета поколения. Авторы статьи подчеркивают, что реакция населения региона во время трансформации распределительной системы была неоднозначной и зависела от различных политико-идеологических и социально-экономических аспектов жизни. Значительная часть населения поддерживала действия властей и была настроена позитивно. Дальневосточники были мотивированы ожиданиями улучшения общего социально-экономического положения в стране и надеждами на скорейшее построение справедливого общества. Но вместе с тем присутствовали и критические настроения, которые базировались как на действительно имевшихся многочисленных просчетах в деле организации торговли, так и на беспочвенных слухах и сплетнях. Негативные настроения носили как латентный характер, проявлявшийся в беседах с коллегами и в кругу семьи, так и открытый, находивший воплощение в ходе публичных выступлений. Некоторая часть населения сомневалась в необходимости отмены карточного распределения из-за опасения наступления голода. Центральная и местная власть предпринимала попытки искоренить любые критические настроения и негативную реакцию различными средствами, в том числе и путем нормализации системы снабжения, однако ситуация со снабжением населения Дальневосточного региона продолжала оставаться сложной в течение всего периода 1930-х гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: реакция дальневосточников; общественные настроения; критические высказывания; карточное распределение; свободная советская торговля; система снабжения; нормы отпуска

Ц и т и р о в а н и е: *Дударь Л. А., Исаев А. А.* Реакция дальневосточников на переход к открытым формам торговли в середине 1930-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 195–209. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.013>

Поступила в редакцию: 25.12.2019

Принята к печати: 15.12.2020

Larisa A. Dudar
Alexander A. Isaev
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

REACTION OF THE FAR EAST TO THE TRANSITION TO OPEN FORMS OF TRADE IN THE MID-1930s

Referring to archival documents, this article considers the sentiments of the Far Eastern population of the USSR and its reaction to the transition from the rationing system to free trade which started on 1 January 1935. The study of the socio-psychological aspects of important events and phenomena of the mid-1930s, including public sentiments, is relevant as they contribute to the recreation of the psychological portrait of the generation. The authors of the article emphasise the fact that the reaction of the population of the region to the transformation of the distribution system was ambiguous and depended on various political, ideological, and socioeconomic aspects of life. A significant part of the population supported the actions of the authorities and was positive. Far Easterners were motivated by the expectations of improving the overall socioeconomic situation in the country and hopes for the early construction of a just society. At the same time, there was also a critical mood, which was caused both by numerous miscalculations in the organisation of trade and by groundless rumours and gossip. Negative sentiments were both latent, manifested themselves in conversations with colleagues and the family circle, and open showing in public speeches. A part of the population doubted the necessity of abolishing the rationing system for fear of famine. The central and local authorities attempted to eradicate any critical mood and backlash by various means, e.g. by normalising the supply system, but the situation with the supply of the population of the Far Eastern region continued to be difficult throughout the 1930s.

Key words: reaction of the population; public sentiments; critical statements; rationing; free Soviet trade; supply system; per capita rationing norms

For citation: Dudar, L. A., & Isaev, A. A. (2021). Reaktsiia dal'nevostochnikov na perekhod k otkrytym formam trgovli v seredine 1930-kh gg. [Reaction of the Far East to the Transition to Open Forms of Trade in the Mid-1930s]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 195–209. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.013>

Submitted: 25.12.2019

Accepted: 15.12.2020

История нашей страны знает несколько эпизодов карточного распределения продуктов и основных потребительских товаров, в основном все они связаны с военными периодами. Однако на рубеже 1920–1930-х гг. нормированное распределение впервые было введено в мирное время. Продлилось оно до конца 1934 г.

Первые публикации, в которых рассматривался процесс отмены нормированного распределения, появились в середине 1930-х гг. [подробнее см.: Нодель; Гринько; Болотин; и др.]. Они, как правило, носили описательный и во многом пропагандистский характер. При этом данные публикации являлись первыми попытками анализа причин и результатов осуществляемых властью действий, систематизировали доступный в то время материал, позволяя воссоздать атмосферу исследуемого периода. Однако в данных работах настроения населения в связи с отменой нормированного распределения не нашли объективного отражения.

В дальнейшем выходили в свет работы, в которых исследовался процесс перехода к открытой торговле, но авторы большинства из них не ставили своей задачей анализ спектра мнений и настроений населения страны [см.: Дихтяр; Рубинштейн] и регионов [см.: Сорокоумов].

В постсоветский период благодаря открытию ранее недоступных архивных документов и материалов исследование различных аспектов развития системы снабжения середины 1930-х гг. значительно активизировалось. Отечественные и зарубежные исследователи рассматривают процессы перехода к свободной торговле в контексте общего анализа повседневности советского городского и сельского жителя, уделяя внимание не только самому явлению, но и реакции на него со стороны населения [подробнее см.: Фицпатрик, 2001; 2008; Шарошкин; Дэвис, Хлевнюк; Малышева; Антошкин]. Глубоким анализом социальных, экономических и политических факторов, повлиявших на функционирование системы распределения в 1920–1930-е гг. отличаются работы Е. А. Осокиной [подробнее см.: Осокина, 1993; 1999]. Исследования постсоветского периода позволяют глубже понять условия жизни и быта людей в середине 1930-х гг., их личные переживания. Однако непосредственно настроения дальневосточников и их реакция на переход от карточной системы распределения к развернутой советской торговле до настоящего времени не изучены.

В основу исследования положен комплекс архивных документов, выявленных авторами в Государственных архивах Приморского (ГАПК, Владивосток) и Хабаровского (ГАХК, Хабаровск) краев. Ценность использованных источников — информационных сводок, политических донесений и специальных сообщений НКВД по Дальневосточному краю и политических отделов армейских и флотских воинских частей, докладных записок партийных и советских органов, отчетов о деятельности кооперативных и государственных торгующих организаций — заключается в достоверности сведений о событиях в регионе в рассматриваемый период. При этом содержание многих источников требует критического анализа с учетом того, что значительная часть первичной информации в них подается с официальной позиции и предстает уже в переработанном и сгруппированном по определенным проблемам виде. Отсутствие во многих документах имен, дат, каких-либо свидетельств о социальной принадлежности упоминаемых в них людей, ошибки, в том числе и арифметические, в статистических отчетах торгующих организаций затрудняют работу с документами по данной проблематике.

По решению ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1934 г. и принятому на его основе постановлению СНК СССР от 7 декабря 1934 г., с 1 января 1935 г. в нашей стране была отменена карточная система на хлеб и муку. Одновременно на эти товары устанавливались новые единые поясные государственные розничные цены [Решения партии..., с. 506–509, 510–511]. В резолюции Пленума констатировалось, что «государство теперь располагает достаточно большим количеством хлеба, чтобы полностью и безусловно обеспечить снабжение населения без карточной системы» [Там же, с. 507]. Действительно, решение об отмене карточек в середине 1930-х гг. имело под собой определенную экономическую базу. Об этом свидетельствуют данные о производстве сельскохозяйственной и промышленной продукции в рассматриваемый период. В 1933–1934 гг. было заготовлено больше хлеба, чем в 1932 г. — соответственно на 22 % и 24 % (232,9 и 268 млн ц против 187,8 млн ц в 1932 г.). Эта «победа на хлебном фронте» была достигнута непомерно высокой ценой, которую заплатило крестьянство [Зеленин, с. 18]. Государство смогло добиться от колхозов увеличения производства и других видов товарной продукции земледелия. В 1933–1937 гг. по сравнению с 1928–1932 гг. было собрано на 54,7 % больше сахарной свеклы, на 54 % — картофеля, на 60,7 % — овощей. Товарная продукция молока увеличилась за эти годы на 37 %, шерсти — на 9,3 %. В то же время снизилось производство мяса. Если в период 1928–1932 гг. его производилось в среднем за год 1,5 млн т (в убойном весе), то в 1933–1937 гг. — 1,4 млн т. Значительно снизилась товарная продукция яиц — на 41,4 % за тот же период [Дихтяр, с. 370–371].

В годы первой пятилетки были построены новые и реконструированы уже существовавшие предприятия легкой и пищевой промышленности. Заново были созданы маргариновая, цельномолочная, комбикормовая отрасли. Возникли новые отрасли промышленности по производству предметов потребления, например, музыкальных инструментов, радиоприемников, патефонов, фотоаппаратов и т. д. [Там же, с. 261] Производство отдельных промтоваров развивалось крайне неравномерно, что объяснялось различными сырьевыми возможностями и производственными мощностями соответствующих отраслей промышленности [Народное хозяйство СССР, с. 58–59]. Об изобилии продуктов питания и промтоваров на внутреннем рынке не могло быть и речи, но определенная экономическая основа для перехода к бескарточной торговле к середине 1930-х гг. была создана.

Одновременно проводилась работа по подготовке к свободной продаже хлеба и муки, за которой центральные и местные партийные органы пристально наблюдали. Например, бюро Приморского обкома ВКП(б) с конца ноября до середины декабря 1934 г. трижды рассматривало вопрос о переходе к свободной торговле хлебом [ГАПК, ф. Р-640, оп. 2, д. 4, л. 30 об., 31, 33, 38]. В числе подготовительных мероприятий, которые постоянно контролировал обком, было строительство хлебозавода во Владивостоке, ремонт и оборудование пекарен, создание необходимых запасов зерна и муки соответствующего качества, профессиональная подготовка торговых работников на открывшихся с 15 декабря краткосрочных

курсах, и т. д. Особое внимание уделялось строительству новых и ремонту уже существовавших магазинов и хлебных лавок. До 20 декабря 1934 г. необходимо было подготовить 585 хлебно-продуктовых магазинов и открыть 33 новых, в том числе 4 на угольных рудниках, 18 на рыбных промыслах, 3 в леспромхозах и 8 во Владивостоке. Подчеркивалась важность территориального расположения торговли, «чтобы рабочие окраины были покрыты таким количеством торговых точек, с такой пропускной способностью, которая позволила бы семье рабочего покупать хлеб по месту жительства, освободив его от покупки на производстве, как в настоящее время» [ГАПК, ф. Р-640, оп. 2, д. 4, л. 33].

Основная масса населения страны встретила решение об отмене карточек с большим воодушевлением. Анализ сводок НКВД по Дальневосточному краю позволяет утверждать, что дальневосточники не были исключением. «Жизнь налаживается, карточки нужны были, когда хлеба мало было, а теперь в связи с урожаем надобность в них миновала», — говорил рабочий винного завода № 3 Лесков. «Советский Союз поборол все трудности и, как сказал И. В. Сталин, разрешил хлебную проблему. Вот уже отменяют хлебные карточки, значит, у нас в Союзе уже нет недостатка в хлебе», — высказывался служащий Ермаков. За первые дни января 1935 г. было зафиксировано 25 восторженных отзывов дальневосточников [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 4].

Однако присутствовали и опасения по поводу возможного запаздывания перестройки системы снабжения хлебом, недостаточной гибкости отделов рабочего снабжения (ОРСов) и центральных рабочих кооперативов (ЦРК), неизбежности очередей. «Сейчас происходит организованный отпуск хлеба, и то другой раз получается давка, а что будет при свободной торговле? Будет ли обязан ОРС регулярно снабжать хлебом рабочих нашего коллектива, или получится так, как сейчас коммерческая торговля хлебом — в городе идет непрерывная торговля по коммерческим ценам, а у нас один-два раза в пятилетку из-за перебоев в транспорте. Вот этого не получилось бы при отмене карточек, а то насидишься без хлеба и свободной торговле будешь не рад, раз бока в очередях ломать будут», — считал беспартийный котельщик завода Дальсельмаш Овчарук. «За мукой и хлебом по первости будет давка потому, что население будет запасаться хлебом, как было в первые дни открытия коммерческой торговли. Это необходимо заранее предвидеть, а то, действительно, получится скандал, вплоть до того, что рабочий придет с работы и дома хлеба не будет, или устроит очереди, как это бывает и сейчас, благодаря неповоротливости ОРСовских работников», — говорил кладовщик завода Дальсельмаш Кута. «Отмена хлебных карточек — это большое достижение, но я боюсь, что наш ОРС сорвет это мероприятие своей скверной подготовкой, так как наша пекарня будет не в состоянии удовлетворить всю потребность рабочих завода в хлебе», — высказывался рабочий Черевников. «Сумеет ли торговая сеть развернуть достаточно широко торговлю хлебом, не будет ли снова усиление очередей? Боюсь, что очереди опять будут, т. к. наши ОРСы и ЦРК не успеют перестроиться», — сомневался заведующий складом Управления связи Дубов. «Отменят хлебные карточки — для

рабочего хуже будет. Будут большие очереди, а в очередях рабочим некогда стоять, а после работы пойдешь, магазин будет закрыт, так и останешься без хлеба», — говорил столяр универмага Лещинский. Юрист кооперативного союза Ковригин был более оптимистичен: «Вот еще скоро будет сюрприз — отменят карточки. Будут очереди. Ясно, что люди будут сплошь и рядом оставаться голодными. Сколько будет разговоров, недовольств. Ну, да через год, через два все это наладится» [ГАПК, ф. П-1, оп. 1, д. 381, л. 16–17].

Жители городов и рабочих поселков Дальнего Востока боялись, что им не хватит хлеба в свободной продаже из-за того, что его будут массово скупать крестьяне из окрестных сел и деревень. Некоторые, как работница центрального телеграфа Хабаровска Зварина, ратовали по этой причине за сохранение закрытых форм торговли для работников предприятий: «В окружении Хабаровска расположен целый ряд сел с бедными в хлебофуражном отношении колхозниками и единоличниками. Последние, наверное, будут приезжать в город за хлебом, покупать его для себя, вывозя его за пределы города. А нам сплошь и рядом придется напрасно простаивать в очередях и уходить без хлеба. Хорошо было бы при закрытых распределителях по месту службы иметь возможность покупать хлеб». С ней был солидарен плотник Нефтьестроя Семенов: «Постановление ЦК — это хорошее дело, но кажется, что это создаст, по крайней мере, у нас в Хабаровске, большие очереди, так как хлеб будут покупать крестьяне из окрестных деревень, а также найдутся лица, которые будут скупать хлеб для кормления животных. Все это создаст перебои в снабжении рабочих хлебом». Аналогичных мнений в конце декабря 1934 г. было выявлено 12 [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 169, л. 300–301]. Отмечались и более мрачные прогнозы, отразившиеся, например, в словах стрелка ВОХРа Лензатона Колесникова: «Хлеба хватит ненадолго, может на пару месяцев, а дальше опять будет голодовка как в 1932 г., когда люди помирали с голоду» [ГАХК, ф. П-2, оп. 1, д. 714, л. 174–175].

Особо активные критики мероприятий советской власти не обошли вниманием предстоящий переход к бескарточной торговле: «Отмена карточной системы — это специальная политика коммунистов. Она отменена для того, чтобы не выдавать по карточкам иждивенцам, при недостатке хлеба будут отговариваться, что не успели забросить, и будут продолжать морить людей голодом». «Я говорил, нечего радоваться вольной продаже хлеба, это очередная лавочка коммунистов, они рабочего давят, который ходит босиком и голый, а коммунисты кричат — все у них есть, всего у них много», — заявил в беседе с коллегами рабочих лесозаготовок Коренев. Доходило даже до открытых угроз: «Правительство грабит рабочих, хуже, чем капиталисты. Пусть только откроют свои грабительские хлебные ларьки, я им все стекла повыколачиваю» [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 14].

Многие были уверены, что отмена карточек приведет к падению дисциплины и росту текучести кадров на предприятиях, поскольку рабочие и служащие уже не будут заинтересованы оставаться на рабочих местах из-за пайка. «Ликвидация карточной системы ослабит трудовую дисциплину, прогулы

увеличатся. Многие у нас работают из-за карточек», — говорил один из работников шахты № 3 г. Артем [ГАПК, ф. П-1, оп. 1, д. 381, л. 16]. «Сталин отдал распоряжение об отмене карточной системы, позднее он это будет жалеть, так как русского мужика только начни “баловать”, как он потом подымается и не хочет работать», — говорил служащий Михайлов в кругу коллег во время обсуждения вопроса об отмене карточного распределения хлеба. Член ВКП(б), служащий Константиновской МТС А. Копейкин в процессе разъяснительной работы с рабочими и их семьями высказал свое мнение: «Думаю, что карточная система была лучше... при выдаче пайков всех заставляли работать. Теперь же, кто не хочет работать, его и не заставишь» [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 4–5].

Как показали события первых месяцев 1935 г., какие-то опасения дальневосточников подтвердились, а какие-то оказались напрасными. Бескарточная торговля хлебом и мукой началась на Дальнем Востоке, как и на всей территории страны, с 1 января 1935 г. В Хабаровске в первый день хлебом торговали 180 магазинов и лавок, в том числе 35 вновь построенных, в Благовещенске — 50 магазинов, в Охе — 25 магазинов. Всего в Дальневосточном крае к началу свободной торговли хлебом было вновь открыто 200 магазинов и ларьков. В дальневосточных газетах как образцовое было охарактеризовано начало торговли хлебом в Сучане, но при этом отмечена плохая организация торговли в Рухлово, где пекарни не справились с выпечкой необходимого количества хлеба. Магазины государственной торговли Благовещенска получили 1 января хлеб с опозданием, а в магазинах потребкооперации его не хватило всем желающим [Тревога, с. 2].

Несмотря на все подготовительные мероприятия, переход к свободной торговле хлебом и мукой на Дальнем Востоке принес населению большие проблемы, многие из которых люди заранее предвидели. Первый месяц 1935 г. дал много примеров неудовлетворительной организации свободной продажи хлеба. Согласно специальной сводке «О свободной продаже хлеба и реагировании населения ДВК на решение ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) об отмене хлебных карточек», с 1 до 10 января 1935 г. отмечались многочисленные факты срыва торговли хлебом без карточек, низкое качество хлеба, большие очереди и т. д. Все это приводило к массовым проявлениям недовольства среди дальневосточников. 6 января 1935 г. среди жителей одного из районов Хабаровска были отмечены резкие высказывания в адрес местной власти и торговых работников из-за срывов в снабжении хлебом. Возмущение людей было справедливым. В магазинах хлеб был получен только с 15 часов, причем уже к концу дня во многих из них остался в продаже только черный хлеб плохого качества. При перевозке он замерз, и продавцам пришлось рубить буханки топором. В хлебной лавке № 4 и магазине ЦРК № 18 в Благовещенске 1 января с самого утра стояли большие очереди, к 15 часам хлеб был весь распродан. Магазин ЦРК № 20 торговал только до 14 часов, а магазин Пищеторга № 5 из-за отсутствия хлеба был закрыт уже с 11 часов утра. Безобразной была признана подготовка к развертыванию свободной торговли в Нижнеамурской области. Имеющиеся

магазины потребности населения в хлебе не обеспечили. Пекарни здесь не были своевременно отремонтированы, новых торговых точек открыто недостаточно [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 6–7].

Большой проблемой в Дальневосточном крае была работа хлебозаводов и пекарен, многие из которых слабо справлялись с выпечкой качественного хлеба, медленно ремонтировались и содержались в плохом санитарном состоянии. В период карточного распределения это было не столь значимо, поскольку потребление было ограничено жесткими нормами, с обеспечением которых хлебопекарная отрасль региона худо-бедно справлялась, а население не предъявляло особых претензий к качеству, было готово отоварить карточки любым хлебом. В новых условиях именно неудовлетворительное состояние пекарен стало основной причиной срыва начала свободной торговли хлебом во многих населенных пунктах региона. 9 января на хлебозаводе № 1 в Хабаровске была забракована выпечка белого хлеба в количестве 6 т, он оказался темным, сырым и кислым. 18 января 1935 г. хлебозавод выпустил более 5 т брака [Там же, л. 16–18]. Плохое качество хлеба и антисанитарное состояние хлебопекарных предприятий сохранялось и в дальнейшем. В одном из спецсообщений, например, говорилось, что 29 октября 1935 г. рабочий Константинов в ларьке № 1 станции Хабаровск-2 купил хлеб, в котором им была обнаружена мышь. Выяснилось, что хлеб поступил из пекарни ОРСа, состояние которой антисанитарное, необходимый инвентарь отсутствует. На протяжении ряда месяцев 1935 г. в г. Хабаровск в выпекаемом этой пекарней хлебе «попадались веревки, окурки, стекла, камни и т. д. Установлено, что пекари являлись на работу пьяными, грязными» [ГАХК, ф. П-2, оп. 1, д. 772, л. 246]. Из-за плохой организации труда наблюдались частые простои хлебозавода во Владивостоке. К тому же завод не отличался должным санитарным состоянием: рабочие не имели специальной одежды, испеченный хлеб складывался на пол из-за отсутствия полок и подстилок. Некачественный хлеб оттуда поставлялся как гражданскому населению, так и частям Тихоокеанского флота. В сообщении командующего ТОФ флагмана флота 1-го ранга М. Викторова о состоянии обслуживания краснофлотцев во Владивостоке отмечалось, что «качество хлеба низкое, в нем часто попадались посторонние предметы (гвозди, болты, тряпки и проч.), что говорит об отсутствии соответствующего контроля и санитарного наблюдения за выпечкой хлеба» [ГАПК, ф. П-1, оп. 1, д. 609, л. 17]. Не выполняли суточные плановые задания хлебозаводы Благовещенска. Хлебозавод № 1 вместо предусмотренных планом 24 т в сутки выпекал только 18, а хлебозавод № 2 вместо 15 т — 9. В Николаевске-на-Амуре пекарни плохо обеспечивались дровами. Сырые дрова часто приходилось по 8–10 часов просушивать в печах, из-за чего выпечка хлеба задерживалась на целую смену. Производительность хлебопекарни достигала только 50 % [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 6–7]. Такое положение дел с хлебопечением сохранялось на Дальнем Востоке в течение нескольких месяцев 1935 г.

Местное руководство порой прибегало к своеобразным методам исправления ситуации. Например, на прииске Ольдоя Рухловского района, где систематически

отмечались перебои с хлебом, руководство Золотопродснаба вместо того, чтобы решить вопрос о строительстве новой пекарни, договорилось с домашними хозяйками поселка о дополнительной выпечке хлеба на дому с условием доставки им муки, дров, соли и т. д. Были случаи незаконного возврата к закрытым формам торговли. В Зейской области по распоряжению руководителей некоторых организаций не продавали хлеб и муку лицам, не работавшим в подведомственных им организациях. Так, глава Могочинского железнодорожного ОРСа Генералов на заседании районного исполкома заявил: «Несмотря на то, что карточная система отменена, мы все же будем производить систему записи покупающих хлеб, с таким расчетом, чтобы посторонние — не транспортники, не могли купить у нас хлеб». Начальник политотдела Забайкальской железной дороги Крахмаль распорядился хлеб продавать только железнодорожникам по удостоверениям личности [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 16–17].

Всё это порождало недовольство населения. «Говорят, что в Москве обижаются на то, что торгуют хлебом только 7-ми сортов, а не 14-ти, а у нас в Хабаровске приходится говорить не о сортах хлеба, а 77-ми очередях, которые создаются около каждой хлебной лавки. У нас хотя бы хлеба одного сорта было в достатке, чтобы можно было купить и не сидеть голодом», — высказывался рабочий Нефтестроя Крылов. «Ну и свободная торговля, с такой торговли до чего-нибудь доторгуются, бегай из магазина в магазин, ищи хлеб, а его нигде нет, не знаю, что только будет дальше», — говорил в очереди рабочий Литовченко. «Сейчас приходится целый день ходить по городу, чтобы достать себе 2 кг хлеба. Магазинов пооткрывали много, а толку от них никакого нет», — сокрушался служащий Госбанка Ильин [Там же, л. 15].

Каждый покупатель, независимо от социального положения, имел право без карточек купить не более 2 кг печеного хлеба и 1 кг муки [Решения партии..., т. 2, с. 510]. Позже были отменены нормы отпуска «в одни руки» таких продуктов, как сыр, консервы, хозяйственное мыло, и повышены постановлением Наркомвнуторга СССР от 8 июля 1935 г. нормы отпуска «в одни руки» печенья — до 2 кг, колбасно-ветчинных изделий — до 2 кг, животного масла и маргарина — до 1200 г и папирос — до 200 штук [Торговый бюллетень..., с. 6]. Введение норм отпуска товаров в одни руки вызвало неоднозначную реакцию населения, о чем свидетельствует, например, рассуждение работника телеграфа Мельника: «С объявлением Постановления ЦК об отмене хлебных карточек многие считали, что Советская власть поистине имеет колоссальные успехи. Всем надоело уже сидеть на норме. С объявлением же постановления СНК об отпуске только 2-х кг хлеба и 1 кг муки в одни руки это снова привело на грустные размышления, да и оживленных разговоров на эту тему стало меньше» [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 169, л. 302–303]. Или слова врача г. Свободный Клименкова: «Унизительно, трудящийся человек не может купить хлеба больше 2-х кг — точно милостыня!» [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 8].

С 1 октября 1935 г. были снижены цены на печеный хлеб, муку, зерно, макароны, крупу, рис и массовые сорта кондитерских изделий. Одновременно была

отменена карточная система снабжения мясом и мясопродуктами, жирами, рыбой и рыбопродуктами, сахаром и картофелем. Эти продукты продавались теперь населению в государственных и кооперативных магазинах по единым государственным ценам, зависевшим от территориальных поясов [Решения партии..., т. 2, с. 547–548]. С полным прекращением с 1 января 1936 г. закрытой торговли промтоварами был формально завершён переход к открытым формам торговли по единым ценам. Низкие карточные цены были заменены более высокими ценами, которые, впрочем, были ниже коммерческих. В связи с повышением цен были увеличены зарплата рабочим и служащим, стипендии и пенсии [Там же, с. 510]. Установление единых цен на мясо, жиры, рыбу, сахар и картофель привело к общему повышению цен на 8,2% [Малафеев, с. 202–203].

Изменение цен вызвало куда более оживлённую реакцию дальневосточников, чем сам факт отмены карточек и введение норм отпуска продуктов. Носителями критических настроений были чаще всего люди, не доверявшие властным структурам, считавшие подобные акции «показухой», направленной на то, чтобы мизерной прибавкой и отменой карточек успокоить людей. Но отмечены случаи недовольства вполне лояльно относившихся к власти людей. Это было как результатом горького опыта предыдущих нововведений власти, так и непонимания сущности проводимых мероприятий и неправильного разьяснения государственных решений местными пропагандистами. Можно, к примеру, представить, что думали рабочие во время выступления перед ними бывшего красного партизана, а на тот момент заведующего отделом рабочего снабжения Хорского леспромхоза Ф. Подойницына: «Правительство вполне правильно подошло к вопросу о ликвидации карточек. Ведь цель правительства была поднять курс рубля, который в настоящее время не имеет никакой цены. Я уверяю, что через 3–4 месяца хлеб будет стоить 20 копеек, но его никто не будет покупать, так как не будет денег, с момента понижения цен на хлеб будет понижена зарплата» [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 4–5].

После подобной «разьяснительной» работы не удивительно, что некоторые рабочие и служащие повышение цен на хлеб рассматривали как мероприятие, целью которого было сознательное ухудшение материального положения трудящихся. «Отмена хлебных карточек не улучшит благосостояние рабочего, а будет еще хуже: и хлеб будет дорогой, и рабочим будет не лучше», — предположила уборщица хлебозавода № 1 Бизяева. «Отмена карточной системы на хлеб для многосемейных будет кабалой, говорят об улучшении положения рабочих и служащих, а получается ухудшение. Зарплату увеличивают на 10%, а хлеб гораздо дороже», — высказывался служащий Калугин. «Государство умышленно отменило карточную систему на хлеб, с той целью, чтобы дороже его продавать. Кто получает маленькую зарплату, тому очень туго придется», — говорил служащий Попов [Там же, л. 5]. «Вот это улучшение, хлеб стоил 50–60 копеек, а теперь 1 руб. 50 коп. ...Тут можно сказать, что как не было для рабочего хорошо, так и не будет», — возмущался грузчик Повоголов. «С зарплатой и так худо, ее и так не хватает, а когда хлеб и другие продукты станут дороже, тогда и вовсе нашему

брату станет туго. Правда, жалование прибавят, но ведь прибавят пустяки, какие-нибудь 5, ну от силы 10 %, а хлеб вскочит втрое. Да, брат, тут своя политика», — говорил инструктор организационного отдела ЦРК Поссесора в разговоре с сослуживцами. Служащий Петрович делал вывод: «...Языком только болтают, 18 год уже строят, а на деле нет ни черта. Нам, рабочим, из этого толку не будет, все равно, хотя зарплата и будет повышена, это нас не устроит. Как сидели голодом, так и будем» [ГАХК, ф. П-30, оп. 1, д. 202, л. 8]. Фиксировавшиеся органами ОГПУ настроения в основном сводились к тому, что «лучше бы правительство оставило старые цены на хлеб, так как по существу изменение цен на хлеб и увеличение зарплаты значительно ухудшают положение трудящихся» [Там же, л. 15]. Изменение системы распределения в первую очередь главного продукта — хлеба касалось напрямую каждого жителя региона, поэтому людей так волновали вопросы организации торговли, цен на продукты, их соотношения с заработной платой, наконец, справедливости и соответствия происходящего в реальности и прописанных в документах и провозглашавшихся в лозунгах положений о равенстве, заботе государства о трудящихся и т. д.

Отмена нормированного снабжения повлекла за собой реорганизацию торгового аппарата. В 1935 г. были разграничены сферы деятельности государственной и кооперативной торговли. Потребкооперация концентрировалась главным образом на удовлетворении нужд села, а государственные торгующие организации обслуживали горожан [Решения партии..., т. 2, с. 554–558]. С 1935 г. работа торговых систем и отдельных магазинов на Дальнем Востоке, как и в условиях карточного снабжения, в большей степени зависела от поставок товаров в централизованном порядке. Но появилась и возможность шире использовать производственные мощности местной промышленности, промысловой кооперации, цехов ширпотреба на предприятиях крупной промышленности, построенных за годы первой пятилетки, самим заниматься подбором ассортимента и следить за качеством поступающих товаров. Все это не могло не сказаться на росте товарооборота: в 1936 г. он увеличился в регионе на 41,4 % по сравнению с 1935 г. [ГАХК, ф. Р-826, оп. 4, д. 2, л. 42]. Однако, наблюдая по отчетам торгующих организаций структуру товарооборота, можно заключить, что рост реализации продовольственных товаров происходил в основном за счет группы хлебопродуктов и алкогольных напитков. Например, в 1936 г. она составила 59 % всей продтоварной части оборота и 44 % от всего товарооборота Хабаровского торгова. При этом торговля целым рядом продовольственных товаров занимала весьма скромное место в товарообороте: удельный вес мясопродуктов — 1,8 %, консервов — 1,7 %, картофеля — 0,3 % [Там же, л. 47].

Соотношение между продтоварной и промтоварной частями товарооборота торгующих организаций Дальнего Востока, как и страны в целом, в течение всего периода 1930-х гг. было не в пользу последней. Коренная причина низкого удельного веса промтоваров и их дефицита на внутреннем рынке заключалась в продолжении политики форсированной индустриализации, в основе которой лежало опережающее развитие промышленности группы «А» и отставание

группы «Б». Структура товарооборота свидетельствовала о том, что в 1930-е гг. уровень материального потребления населения нашей страны, в том числе и дальневосточников, был невысок. Доля расходов, связанных с питанием была выше доли непродовольственных затрат [Гордон, Клопов, с. 104]. В товарообороте государственных торгов Дальнего Востока промтовары составляли в 1936 г. от 16,7 % до 33,5 % [ГАХК, ф. Р-826, оп. 4, д. 2, л. 48–49]. Огромным спросом у дальневосточников пользовались такие товары, как обувь, швейные изделия, трикотаж, мебель, галантерейные и силикатные товары. Но в большинстве своем торгующие организации не могли его удовлетворить. Так, в общем товарообороте Дальневосточного торгова силикатные товары, металлическая посуда и предметы домашнего обихода составляли только 1,3 %, мебель — 0,2 % [Там же, л. 48]. В магазинах Дальторга в Амурской области в 1935–1936 гг. длительное время не было в продаже мужских и детских ботинок, дамской обуви, валенок, костюмов, демисезонных и зимних пальто [ГААО, ф. Р-78, оп. 1, д. 7а, л. 2–3].

Отсутствие тех или иных товаров в магазинах не всегда объяснялось их недостаточным производством. Товарный дефицит создавался, во-первых, несоответствием между быстрорастущей численностью населения региона и объемами выделявшихся ему централизованных фондов; во-вторых, несоответствием ассортимента завозимых товаров спросу. Покупатели стали предъявлять все более высокие требования к качеству промтоваров. Уже в 1936 г. в отчетах торгующих организаций отмечался повышенный спрос на более качественные товары. Например, при наличии в продаже в магазинах Приморского торгова достаточного количества обуви на имитированной подошве, покупатели предпочитали обувь на кожаной подошве. Если в 1935 г. грубошерстное готовое платье относилось к числу товаров с максимальной оборачиваемостью, то в 1936 г. жители края уже отказывались покупать его. Изменился и спрос на хлопчатобумажные ткани. Непременным условием их успешной продажи стали качество и расцветка, тогда как прежде покупатель брал все подряд, и торгующим организациям можно было не заботиться об этом [ГАПК, ф. Р-45, оп. 1, д. 24, л. 38]. Часто на торговых базах и в магазинах образовывались запасы «неходовых» товаров, а также маломерных или большемерных (обувь, галоши, готовое платье) при дефиците на нужные сорта и размеры. Нередко возникали «местные кризисы» даже по так называемым достаточным товарам: спички, керосин. Один из подобных «кризисов» возник в конце 1935 — начале 1936 г. в Посьетском районе, где сложилось просто катастрофическое положение со снабжением населения самыми необходимыми товарами [ГАПК, ф. Р-620, оп. 2, д. 7, л. 3, 15–18]. Все это после перехода к развернутой торговле стало значимым фактором в формировании отношения людей к изменившейся системе снабжения, влияло на их общие настроения.

Итак, к середине 1930-х гг. военно-коммунистические представления о том, какой должна быть система распределения при социализме несколько видоизменились. Развитие промышленного и сельскохозяйственного производства требовало расширения сферы действия товарно-денежных отношений и в известной

мере позволяло сделать это без карточек. Изменение социально-экономической ситуации стало главной причиной того, что на смену теоретическим обоснованиям типа «свободная торговля и социализм несовместимы» пришел лозунг необходимости борьбы за «развернутую советскую торговлю».

Отмена карточек в середине 1930-х гг., с одной стороны, была политической акцией, а с другой — имела под собой определенную экономическую базу. Но смена механизма распределения не принесла ожидаемого изобилия товаров на полках магазинов. Большая часть дальневосточников по-прежнему была обречена томиться в бесконечных очередях, мириться со скудным ассортиментом товаров в магазинах, неудовлетворительной организацией торговли, непрофессионализмом продавцов. Возмущение в устной форме, записи в жалобной книге, письма в адрес вышестоящих ведомственных органов, в редакции газет и даже в адрес руководства страны если и помогали как-то разрешить отдельно взятую конфликтную ситуацию, то в целом система взаимоотношений между сферой торговли и потребителем оставалась зависимой от социально-экономической политики государства. Необходимо подчеркнуть, что в справедливости и правильности последней подавляющее большинство советских людей не сомневалось. Действительно антисоветских высказываний, протестных настроений, а тем более действий было очень мало. Критические замечания высказывались только в отношении нарушений со стороны местной власти и работников торговли, да и то не очень часто и далеко не всеми, кому приходилось с ними сталкиваться. В большинстве случаев недовольство людей скрывалось или не выходило за рамки разговоров в кругу знакомых. Однако власть пристально наблюдала за настроениями дальневосточников и скрупулезно фиксировала все их изменения.

Источники

- ГАО — Государственный архив Амурской области. Ф. Р-78. Оп. 1. Д. 7а.
ГАПК — Государственный архив Приморского края. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 381, 609; Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 24; Ф. Р-620. Оп. 2. Д. 7; Ф. Р-640. Оп. 2. Д. 4.
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 714, 772; Ф. П-30. Оп. 1. Д. 169, 202; Ф. Р-826. Оп. 4. Д. 2.
Народное хозяйство СССР : стат. сборник. М. : Гос. стат. изд-во, 1956.
Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1967 гг. : Сборник документов за 50 лет : в 5 т. М. : Политиздат, 1967. Т. 2 : 1929–1940.
Торговый бюллетень Дальневосточного краевого отдела внутренней торговли. 1935. № 3–4. С. 6.
Тревога. 1935. 4 января.

Исследования

- Антошкин А. В.* Проблемы «свободной» торговли в Башкирии во второй половине 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 2/1. С. 23–31. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-23-31>
Болотин З. С. Без карточек. М. : Партиздат, 1935.

- Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М. : Политиздат, 1989.
- Гринько Г. Ф. Ликвидация карточек и укрепление рубля. М. : Госфиниздат, 1935.
- Диктяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. М. : АН СССР, 1961.
- Дэвис Р. У., Хлевнюк О. В. Отмена карточной системы в СССР. 1934–1935 годы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 87–108.
- Зеленин И. Е. Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 14–31.
- Малафеев А. Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). М. : Мысль, 1964.
- Мальшева С. Ю. Карточная система в предвоенные и военные годы (на примере Казани) // Россия и современный мир. 2004. № 4. С. 116–134.
- Нодель В. А. Об отмене карточек на хлеб и развертывание советской торговли. М. : Партиздат, 1935.
- Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М. : Изд-во МГОУ, 1993.
- Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М. : РОССПЭН 1999.
- Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л. : ЛГУ, 1964.
- Сорокоумов А. Н. Развитие колхозной торговли в Западной Сибири и ее влияние на повышение благосостояния колхозного крестьянства в годы второй пятилетки // Проблемы истории советской сибирской деревни : сб. ст. / отв. ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск : Наука, 1977. С. 142–155.
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пангина. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008.
- Шарошкин Н. А. К вопросу о продовольственном снабжении рабочих Поволжья. 1928–1937 гг. // Исторические исследования : сб. науч. тр. Вып. 2 / отв. ред. А. А. Выборнов. Самара : Изд-во СГПУ, 1998. С. 128–138.

References

- Antoshkin, A. V. (2017). Problemy “svobodnoj” trgovli v Bashkirii vo vtoroj polovine 1930-kh gg. [Problems of “Free” Trade in Bashkiria in the Second Half of the 1930s]. *Istoricheskaja i sotsial’no-obrazovatel’naja mysl’*, 9(2/1), 23–31. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-23-31>
- Bolotin, Z. S. (1935). *Bez kartoček* [Without Ration Cards]. Moscow: Partizdat.
- Davies, R. W., & Khlevniuk, O. V. (1999). Otmena kartochnoj sistemy v SSSR. 1934–1935 gody [Abolition of the Rationing System in the USSR. 1934–1935]. *Otechestvennaja istorija*, 5, 87–108.
- Dikhtyar, G. A. (1961). *Sovetskaja trgovlia v period postroeniia sotsializma* [Soviet Trade during the Construction of Socialism]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR.
- Fitzpatrick, Sh. (2001). *Stalinskie krest’iane. Sotsial’naia istoriia Sovetskoj Rossii v 30-e gody: derevnia* [Stalin’s Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivisation]. Moscow: Rossijskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN).
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyj stalinizm. Sotsial’naja istoriia Sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s] (2nd ed.). Moscow: Rossijskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El’tsina.
- Gordon, L. A., & Klopov, E. V. (1989). *Chto eto bylo?: Razmyshleniia o predposylkakh i itogakh togo, chto sluchilos’ s nami v 30–40-e gody* [What Was It?: Reflections on the Background and Outcome of What Happened to Us in the 30–40s]. Moscow: Politizdat.
- Grin’ko, G. F. (1935). *Likvidatsiia kartoček i ukreplenie rublia* [Liquidation of Ration Cards and Strengthening of the Rouble]. Moscow: Gosfinizdat.

Malafeev, A. N. (1964). *Istoriia tsenobrazovaniia v SSSR. (1917–1963 gg.)* [The History of Pricing in the Soviet Union (1917–1963)]. Moscow: Mysl'.

Malysheva, S. Yu. (2004). Kartochnaia sistema v predvoennye i voennye gody (na primere Kazani) [Rationing System in the Prewar and War Years (with Reference to Kazan)]. *Rossija i sovremennij mir*, 4, 116–134.

Nodel, V. A. (1935). *Ob otmene kartocek na khleb i razvertyvanie sovetskoj torgovli* [On the Abolition of Bread Ration Cards and the Expansion of Soviet Trade]. Moscow: Partizdat.

Osokina, E. A. (1993). *Ierarhiia potrebleniia. O zhizni liudej v usloviakh stalinskogo snabzhenia. 1928–1935 gg.* [Hierarchy of Consumption. About the Life of People in the Conditions of Stalinist Supply, 1928–1935]. Moscow: MGOU Press.

Osokina, E. A. (1999). *Za fasadom “stalinskogo izobiliiia”. Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniia v gody industrializatsii 1927–1941* [Behind the Façade of “Stalin’s Abundance”. Rationing and Market in the Supply of the Population in the Years of Industrialisation 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.

Rubinstein, G. L. (1964). *Razvitie vnutrennej torgovli v SSSR* [Development of Home Trade in the USSR]. Leningrad: LGU.

Sharoshkin, N. A. (1998). K voprosu o prodovol'stvennom snabzhenii rabochikh Povolzh'ja. 1928–1937 gg. [On the Issue of Food Supply of Workers of Volga Region. 1928–1937]. In A. A. Vybornov (Ed.), *Istoricheskie issledovanija* [Historical Studies] (Vol. 2, pp. 128–138). Samara: Samara State Pedagogical University Press.

Sorokoumov, A. N. (1977). Razvitie kolkhoznoj torgovli v Zapadnoj Sibiri i ee vliianie na povyshenie blagosostoianiia kolkhozного krest'ianstva v gody vtoroj piatiletki [Development of Collective Farm Trade in Western Siberia and Its Influence on Increasing the Welfare of the Collective Farm Peasantry during the Second Five-Year Plan]. In N. Ya. Gushchin (Ed.), *Problemy istorii sovetskoj sibirskoj derevni* [Issues of the History of the Soviet Siberian Village] (pp. 142–155). Novosibirsk: Nauka.

Zelenin, I. E. (1996). Krest'ianstvo i vlast' v SSSR posle “revoliutsii sverkhu” [Peasantry and Power in the USSR after the “Revolution from Above”]. *Voprosy istorii*, 7, 14–31.

Дударь Лариса Александровна

кандидат исторических наук, доцент
департамента истории и археологии
Дальневосточный федеральный
университет
690091, Владивосток, ул. Суханова, 8
E-mail: dudar.la@dvvfu.ru

Dudar, Larisa Alexandrovna

PhD (History), Associate Professor
Department of History and Archeology
Far Eastern Federal University
8, Sukhanov Str., 690091 Vladivostok, Russia
Email: dudar.la@dvvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6324-2395>

Исаев Александр Александрович

кандидат исторических наук, доцент
департамента истории и археологии
Дальневосточный федеральный
университет
690091, Владивосток, ул. Суханова, 8
E-mail: isaev.aa@dvvfu.ru

Isaev, Alexander Alexandrovich

PhD (History), Associate Professor
Department of History and Archeology
Far Eastern Federal University
8, Sukhanov Str., 690091 Vladivostok, Russia
Email: isaev.aa@dvvfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4750-7215>